

СКАЗАНИЕ О ЧИНГИС-ХАГАНЕ

*Горе мне, горе мне, хан мой, покуда
Я раб этих лет!
Коршуны Корсуня, стая и смута...
Се – пепел побед.
Яшмовый перстень, нефритовый пояс мой,
Благослови!
Истою песнею, ратною повестью
Встань-оживи!
Хан мой, ты вызолочен солнцем Монголии,
Чудный пришлец.
Меч, пресекающий пламя агонии,
Сын и Отец.
Сын овдовевшей, обобранной матери,
О, Борджигин,
Очи твои, как бессмертие, матовы
Синью вершин.
Взмыл твой родитель над распрями старыми –
Гром-Есугей!
Срезан в полете, отравлен татарами
Беркут степей.
Хан мой, создатель простора российского,
Божия твердь!
От солнцевосхода до берега Понтийского
Душу отверзь!
Хан мой, крещенный сиротскою волею,
С ликом огня!
Хан мой, Чингис, из пучины бездолия
Вырви меня!*

БЕРЕГ ОНОН

Где горы белее ветрил кораблей
Плывут на Востоке,
За светлой излукой реки Керулен,
За свистом осоки,
Где топот архара, где трепет и сон
Звериных владений,

В долине, где нитью сребрится Онон,
Родился младенец.
Откинули дымник у юрты большой,
Барана сварили,
Душистые смолы смешав с анашой,
Дымы воскурили,
Татарин-батыр закричал под мечом –
Приспела кончина –
Малыш его именем был наречен...
О, день Тэмуджина!
У лета в начале, в полуденный жар,
В год лошади черной
Родился младенец, прекрасен и яр,
Как пламя из горна.
Когда его вымыли в белой реке
И клали в палатку,
Открыли ком крови зажат в кулаке,
Похожий на бабку¹.
И криком лебязьим день после того
Повозки скрипели.
И были железными стенки его
Земной колыбели.

ВЕЩАЯ ПТИЦА

Какие народы во тьме пронеслись,
Как бледные волны,
Пред тем как восстал августейший Чингис,
Величия полный?!..
Три тысячи лет пролетело как миг,
О, Вечные Боги!
С той ночи, как Будда нирваны достиг
Под деревом бодхи.
Монгольское племя в таежной дали
Безвестно и сиротливо
Возникло, чтоб выносить в лоне земли
Держателя мира.
Праматерь Алун, молодая вдова
С повадкою лани,
Узрела в ночи юный стан божества,
Утеху желаний.
Он падал, светясь пеной русых волос,
В отверстие юрты,
А в ранний туман ускользал желтый пес –
Сквозь двери и путы.
Три сына родились от пламенных чар,

От русого света:
Бугу, Бугучи и простак Бодончар.
Все истина это!
– Простак, не собьешь ли звезду кулаком? –
Смеялись тобгачи².
«Простак» – это значит дурак дураком.
Но вышло иначе.
Он звезды считал, он был гол как сокол –
Наставник соколий.
Знал верности цену он – первый монгол,
Сын Неба и Воли:
– Отец прилетал к нам с Воловьей Звезды,
Златой коновязи,
Наш род вознесется на крыльях орды
В нойоны и князи.
Брат брату поможет и воину вой,
Чего б ни случилось.
А имя, каким будет назван герой,
Поведает чибис...
И вещая птица в назначенный час
На камень присела.
И вспыхнул тот камень и, треснув, погас,
И черное тело
Его расколосось на три лепестка,
На равные части,
И в каждом округлым сияньем зрочка
Виднелись печати.
Златая печать, знак всевышних даров,
На небо предстала.
Печать серебра, знак полночных ветров,
В колодец упала.
И что ж Есугей с молодою женой
Увидели ясно?..
Знак власти небесной и власти земной –
Священная яшма!
Когда же в лампадах куренья зажглись,
Затеплились ало,
Над дымником птица пропела: «Чингис!
Чингис!..» И пропала.

У ПОДНОЖИЯ БУРХАН-ХАЛДУНА. СИРОТСТВО

Я жил уже в мире! Но где и когда?
Сквозь мрака разрывы –
Лишь смутные лица, кресты, города
Да конские гривы!
Да вьется по ветру неведомый стяг.
Да крики навстречу.
Не помню, не помню – то друг или враг,
На пир или сечу?!..
Но помню, но помню, зачем я пришел
И кто провожатый.
Куда я влеком и чего я лишен,
О чем – кровожадный
Неверный народ говорит у огня...
О том ли, что пламя
Кинжалом выходит из глаз у меня,
Что скоро делами
Я буду оправдывать Божью печать?!
О, воры и трусы!
Утробой и шкурой ли вам отличать
Ток огненно-русый.
Вы бросили мать мою на произвол
Осеннего Духа.
Угнали скотину под самый Бер-Гол,
Чтоб пламя потухло.
Сказали: – Зверёнка, дав своре собак,
Не вырастим барса.
Родник Есугея заглох и иссяк,
Гром-посох распался!
О, души, ленивые, словно змея
В камнях солнцепека.
О, падали падаль – помет воронья!
Какого бы Бога
Вам ни открывали в степных небесах
Волхвы и скитальцы,
Вы знаете только кумыс на усах
Да жирные пальцы
Свои погружаете в полный котел...
Ни Вишну, ни Будда,
Ни Митра, ни светлый Христос не нашел
Здесь места для чуда.
Лишь бубен летучий звучит иногда,
Случаются если
Рожденье и смерть, колдовство и вражда,
Напасти-болезни.
Вам боязен веры огонь. Оттого

В долине Онон я
Живу после смерти отца моего,
Как волк, потаенно.
Стыд, страх и бессилье! И горько до слез...
Лишь в дебрях Бурхана
Забудусь... Но чудится жесткий захлест
Удавки аркана

ПЕСНЯ МАТУШКИ ОЭЛЭН-УДЖИН

Подпояшусь крепко да коротко,
А ногам утром холодно, холодно.
Побегу вверх по берегу босая,
По туману сырому, как по снегу.
Соберу и боярку, и яблочки,
И смородины кислые ягодки.
Смоль-черемухи высушу на зиму...
Жертвы белый кумыс вылью на землю...
Сыновья мои, чтобы вас выкормить,
Чтоб души нищетою не вычернить,
Буду палкой пихтовой острою
Иль бараньей обглоданной косточкой
Клубни сладкой саранки выкапывать.
Их зимою по дольке, по капельке
Вам отдам, мои барсы пригожие,
Вырастайте бойцами-вельможами.
Буду палкой ольховою острою
Иль кобыльей расколотой косточкой
Горный лук собирать на прогалинах,
Чеснока стрелы в россыпях каменных.
Ешьте досыта. Древним обычаем,
Поделюсь самой скромной добычей
С братом, с Небом, скотом и прислугою.
Собрала много сладкого лука я...
Буду девичьим бронзовым ножиком
Рвать колбу-черемшу у подножия,
У Халдуна-горы богорожденной,
По осинникам да по черемушникам.
Ешьте досыта клубни и ягоды,
Будьте краше нефрита и яхонта,
Багатурами станете, ханами,
Побораетесь с великанами.
На коврах сидя в роскоши Персии,
Помянете ли матушки песенку?..

БРАТОУБИЙСТВО

Да!

Тот, кто послушен чужим голосам,

Опаснее вора.

Лишь ракша³ бьет плетью коня по глазам –

Нет больше позора.

Куда поскачу, если кровью залит

Мой взор поднебесный?

Не видеть мне летних лугов хризолит,

Не ведать невесты.

Бектер, сродный брат, Сочихэл⁴ первый сын

Замыслил худое,

Он шепчет заклятья, он прячет кувшин

С дурною водою.

Он тайной тропинкою ходит, как тать

Лукавый и ловкий,

К родне, что оставила нас погибать

Одних на зимовке.

Тэнгри солнцеликий, ты знаешь, что я

Не спорый в расправе:

Пусть лучше подоит кобылу змея,

Чем ядом отравит.

Пусть лучше я буду унижен, как лист

На глади озерной,

Чем выпью в рабах оскверненный кумыс

Из чаши позорной.

Нас несториане пытались крестить,

Чтоб жить с Благой Вестью,

Но можно ли, можно ль и брату простить

Предательство чести?!

Он брат мне, в нем дышит могучая плоть

И кровь Борджигина,

Нам злое по-братски перемолоть

Поможет могила.

Нам вместе не жить. Столкновение туч

Грозой разрешится.

Я властен от Бога, он – смел и могуч,

Никто не смирится.

Быть платным бойцом у богатой родни

Не дело монгола.

Тэнгри солнцеликий! Нас оборони

От срама такого.

Два сердца в груди одного скакуна –

Беда для похода.

Тьма тропок в тайге, но дорога одна –

То Степь и свобода.

Два тысячеперых огнистых крыла
Имеет Гаруда,
Но сердце одно, в нем ни страсти, ни зла,
В нем Небо и чудо.
И если родится двуглавый орел
Под ратные громы,
Он сможет взлететь на небесный престол,
Лишь сердцем влекомый.
Нам вместе не жить. Я молитву творю!
Пусть будет невинна
Смерть брата, приличная богатырю,
От стрел Тэмуджина.

ЖАЛОБЫ ХОСАРА⁵ НА БЕКТЕРА

Когда мне попался на жирную мышь
Таймень толстолобый,
Я знал – ты, как коршун, его закогтишь,
Веселый от злобы.
Когда подстрелил не Бектер, а Хосар
Рябых куропаток,
Летел ты, как бы камышовый пожар,
На лакомство падох.
Ты вечный задира, насмешник, буйан,
Ты хуже занозы!
Ты едешь к родне, напиваешься пьян
И сыплешь угрозы.
Злоречье обидней, болезненней ран
И хуже отравы.
Мол, брат твой трусливый и глупый баран,
А ты самый правый.
Мол, нищая жизнь для таких вот растяп,
А не для батыров..
Посмотрим, кто меток, кто робок и слаб
И чья шкура в дырах?!

ВСТРЕЧНЫЕ СТРЕЛЫ

Как чайка кричала сынам Оэлэн,
Как сойка кричала:
– Накличете только набеги и плен!
Найдите сначала...
Найдите сначала себе нукеров,
Пусть верные стражи
Хранят ваш очаг, кобылиц и коров.

Пусть недруги ваши,
Пусть ваши завистники знают о том,
Что бодрствуют слуги...
Хвост бычий для мух лишь сослужит кнутом!
Тень – выйдет ли в други?!
Как после отмстите за гибель отца?
Смертельна свобода!
Кто брата убил, тот пропал до конца
Для Степи и Рода.
Но братья угрюмо и молча ушли...
И камень скатился
К пригорку, где в желтой цветочной пыли
Бактер угнездился.
Соловых, как знойная степь, кобылиц
Он пас в полудреме.
... В молчании темном двух каменных лиц
Открыл он, что кроме...
Что, кроме погибели, нечего ждать –
Мглой застланы лица.
И ноги скрестил он, и стал причитать,
Скорбеть и молиться:
– Когда убивает друг друга родня,
Земля гнивает.
Ведь легче не будет вам жить без меня,
Зло не убывает.
Услышь, Тэмуджин, и подумай о том –
Ты брата теряешь.
Хвост бычий для мух лишь послужит кнутом,
А бич – ты ломаешь.
Хвост бычий – не бич. И товарищей нет,
Вокруг только тени...

Не рушь мой очаг, не твори ему вред,
Не тронь Бельгутея⁶ !
Я нынче для вас как во рту шелуха,
Ресница – под веком.
Стреляйте. Пусть смерть моя будет легка,
Как с горки телега...

Вмиг стрелы пронзили и спину, и грудь,
И в сердце столкнулись...
К становой, замкнув свой отроческий путь,
Мужчины вернулись.

ПЛАЧ–ПРОКЛЯТЬЕ ОЭЛЭН–УДЖИН

Снег пал на гольцы, и сорвалась звезда...
По лицам сыновьим
Увидела мать, что случилась беда,
Что кончилось – кровью...
В зловещем мерцанье плыла под луной
Халдуна вершина.
И плач Оэлэн за пиалой хмельной
Настиг Тэмуджина:
– С куском черной крови, зажатой в горсти,
Из чрева ты вышел!
Но разве ты слов «пожалей и прости»
Не знал и не слышал?..
Как пес, что изведаль медвежьи клыки,
С распоротым брюхом,
Ты жрешь, разъярившись, свои же кишки...
Ты телом и духом
Впитал по наследству рыгающий гнев.
Ты коготь салбара!⁷
Ты – бьющий наотмашь оскаленный лев.
Безумье пожара.
Ты Танский удав, что глотает живьем
Застывшую жертву.
Ты демон, нависший над мирным жильем,
Ты – пропасти жерло.
Ты волк, нападающий в дождь и в буран.
Ты словно собака,
Что травит слепца, пламенея от ран,
Ты – выкидыш мрака!
Я древним заклятьем тебя закляну:
Умерь свою ярость!
Иначе совьют твои кости в плену
Короной архара.

ЛЮДИ ДЛИННОЙ ВОЛИ

Когда поспеваешь кровавый раздор
На снежной постели,
Мечь крысой ползет сквозь Великий Простор
Под свисты метели.
На право суда есть разбойный ухмыл
Толпы-росомахи.
На волю к победе – предательский пыл
И стадные страхи.
Дух стаи шакалей!.. Уж до дележа

Доходит держава.
А в юртах – угар, арака, анаша,
Вражда и расправа.
Лишь редкие воины живут вдалеке
Курений аилов:
Подвластны не княжей, не вражей руке,
А Степи, что силой,
Что клеткотом битвы наполнила их
И сердце, и поле.
Прозвали тех воинов в селеньях родных
«Людьми длинной воли».
О, хищная воля, о, длинный полет
Над плавным безмолвьем!
В крови одиночек таится народ,
А в сердце сыновьем
Таится надежда, как семя горя
В суглинке незрячем:
Не сиры они и родились не зря
В молчании мрачном.

В крови одиночек таится народ...
Не лепо ли бьашет?!..
Не ведая брода, не лезьте в поход
За шубой лебязжей.
Но правьте коня ради чести своей
И славы Отчизны.
Вы мать за курганом оставили, э-эй!
До свадьбы, до тризны...
До тризны, до свадьбы – не все ли равно –
Доскачемте, братья!
Пока не закисло в сосудах вино,
Пока без изъятъя
Сквозь солнце проходят 12 гусей,
Как серые стрелы...
А Степь за курганами сгинула, э-эй!
Мы все еще целы.
Мы все еще целы, мы мальчишки все:
Средь мглистого мира
Рассеяны, как по песчаной косе
Останки батыров.
Однажды, однажды промчится герой
Меж сопок окрестных,
Омоет останки водою живой...
И войско воскреснет!

* * *

Я начал нелегкую повесть сию.
Зачем? – непонятно.
Затем ли, что даже в себе узнаю
Родимые пятна.
Есть язвы на солнце, есть немочь борьбы
С отцом и страную...
И коль не уйти от мятежной судьбы,
То встану войною.
Да встану войной встречу крамольной вражды,
Бесчестья и срама!..
А впрочем... прости меня, Боже. И ты
Прости меня, мама.
Наверное, вышел последний ресурс
Военного пыла.
Прости, приснолюбящий сын Иисус,
Россия простила
За все, что случилось, и все, что еще
Случится, быть может:
На муку был путь наш и в муках крещен,
Змей плоть нашу гложет,
А мы все сдираем наплывы корост
Раздоров и мести.
Берите! все ваше на тысячу верст!
Размерьте и взвесьте!
Вам надо Великий Курган раскопать,
Вы – Шлимана дети.
И вас легионы, готовых припасть
К усопшей планете,
К уснувшей планете березовых рек
И долгой метели.
Берите! вам я говорю, имярек,
Вы нынче у цели.
Все ваше, что можно потрогать рукой,
Увидеть глазами...
А то, что очами, то, что душой,
Слезами, слезами?..
А то, что укрыто туманной фатой
В озерах и плесах?
А то, что за дальней зари полосой,
В злат-облачных косах?
В ласканиях травных, в печалях лесных,
В холмах лебединых?
А то, что во взорах, до донца родных,
Родимых-родимых?..
Есть дивное диво пресветлое. Есть
Мерцание Слова...

Незрима невеста, что косу расплесть
Два века готова.
Невеста незрима, незрима она,
Как песня незрима,
Как город, чей колокол слышен со дна —
В ночь Третьего Рима.
Краса Ненаглядная!
Близости плеск...
Душа-Василиса...
В ней нега природы и образ Небес
В очах поселился.
Ей светом начертан таинственный путь
К венчанью с Владыкой.
Не дай Бог на это кому посягнуть
Средь Скифии дикой!..

КОЛОДНИК

Дорогой сопутной поскачем, мой друг.
Пой, ветер дороги!
Пронзим и зари огневой полукруг,
И вечер пологий.
Гляди, позади обступает орда
Враждебных созвездий.
И где, не видать, голубая вода
Да свежие вести?
Тот сыт, кто швырнет чуть подтлевшую сеть
С кривой ячеею.
Кто брата убил, тот не станет жалеть
О мире с роднею.
Один Тэмуджин. Только ветер и снег...
Бог Правды ни разу
Не встал за спиной. Ни коней, ни телег...
К скупому рассказу
Пора перейти от широких картин
Рожденья героя.
Один Тэмуджин. И чем дальше один,
Тем Небо суровой.
Узнав, что волчонок сменил на клыки
Молочные зубы,
Родня переправилась из-за реки
Для ловли-загубы.
Три дня и еще шесть провел Тэмуджин
В чащобах Бурхана,
В голодной тайге, при соседстве вершин,
Под шубой тумана.

У входа в долину и честь и родство
Дозоры забыли.
Гордец к ним попал, и на шее его
Колодку скрепили.
К седлу привязали... И в пору завять
От гибельной скачки...
Сvezли. Но в улусе поесть и попить
Без жалкой подачи
Не может колодник, что пес возле юрт.
И гонят повсюду.
А сами пируют, и песни поют,
И дают посуду.
Когда поутихла хмельная возня
В полночном селенье,
Распалась, багрово искрясь, головня,
Дотлела... А пленник,
А пленник все ждал, пока в дреме застыл
И страж его хилый...
Колодку ему на башку опустил
С отчаянной силой
И скрылся. Но берега только достиг –
Вслед топот стремится:
– Он вздумал, как пленный затравленный тигр,
О клетку разбиться!?
Сын крови, он хочет не славы – беды!
Не сказано разве:
Наш род вознесется на крыльях орды
В нойоны и князи.
Брат брату поможет и воину вой,
Чего б ни случилось,
А имя, каким будет назван герой,
Поведает чибис.
И кто нам пророчит, что нищий беглец
И братоубийца
Поднимется выше, чем льдистый голец
Иль царская птица?
Он будет объедки у юрт собирать
От лета до лета!..
Умчались... Река продолжала сиять
Средь лунного света.
Умчались... Но ехал за ними один
Стрелок Сорган-Шира,
Себе и коню своему господин.
Ни хмеля, ни жира
Во взоре. Глядит – незнакомый валун,
Где отмель и тина.
Поближе... И что ж? – над водой не валун,

Лицо Тэмуджина.
– Ты скрылся в Онон, как бегун-стригунок
Под брюхо кобылы.
Ты чести искал. Но у змея ли ног
Где сыскано было?
Сожрут тебя родичи только за то,
Что резвый не в меру.
Их уж не загнать ни огнем, ни крестом
В могущую веру.
Как пыль под ступнею, ленивы они,
Заразны, как парша!
Лежи. Не продам. Ты повадкой сродни
Сынам моим старшим.
Скрывайся, несчастный, спасешься, дай Бог...
И тихо уехал.
Лишь цокот копытный над прахом дорог
Баюкало эхо.

ЮРТА СОРГАН–ШИРА

В предутреннем мраке, когда на тропе
Становится сыро,
Колодник возник, повинуюсь судьбе,
В юрте Сорган-Шира.
Хозяйка застыла, сбивая кумыс
Широкой мутовкой.
А сам Сорган-Шира от страха прокис
И вымолвил только
Невнятное: «О-о». Лишь его сыновья
Чимбай и Чилаун
Вели себя как Тэмуджина друзья,
На долгую славу.
Колодка разбита, осколки в очаг...
Прояснили лица.
Сыр. Мясо. Кумыс. И ковер в головах
Смыкает ресницы.
Но вдруг да нагрянут и враз перебьют
Хозяев ночлега?..
Спасет беглеца не домашний уют,
А с шерстью телега.
В то черное облако шерсти густой
Нору прокопали.
В удушливом чреве, где мрак с пустотой
Супругами стали,
Три дня и три ночи прожил Тэмуджин,
Три дня и три ночи.
Он плакал, молился, мечтал, ворожил,

Терпел, что есть мочи.
А на день четвертый, в полуденный зной,
Ленивые стражи
К телеге добрались. Хозяин с женой
К ним вышли и даже
Подумали – пробил их час роковой,
Сейчас обнаружат
В норе беглеца. И подыметесь вой,
Погибели ужас.
– И Боги не вспомнят такую жару!
В такую-то сушь я,
Когда бы залез в шерстяную нору,
То сдох от удушья –
Сказал Сорган-Шира. – Хотите узнать,
Где скрылся колодник,
Велите по темным ущельям искать,
По рекам холодным.
И черную гору, как тучу с грозой,
Не тронули стражи.
Мечами потыкав, песчаной косой
Отправились дальше.

А бедный хозяин уже причитал:
– О ветер ошалелый!
Ты угли костра моего разметал,
Ты лапою белой,
Ты снежным ударом едва не сгубил
Очаг моих предков.
Ты в пепел развеять готов мой аил,
О вихрь-однолетка.
Созрей же вдали от жилья моего,
Оставь нас в покое.
Ты так же, как пращур, не мира сего –
«Наставник соколий».
Лишь ловля иная тебе предстоит –
Не птиц перелетных –
Пусть дух твой под знамя свое закогтит
Батыров свободных.
Вот быстрая лошадь, вот лук и стрела,
Вот мясо в дорогу.
Узда. И вода в бурдюке. Но седла...
Кресала в подмогу
Не дам, потому что ни это, ни то
Не смог бы украсть ты...
Скачи...
И пускай тебя Кол Золотой⁸
Спасет от напасти.

ПЕВЕЦ–КАЙЧИ

Под вечер унялись полеты стрижей,
Тропа не пылится.
И месяц взошел промеж чутких ушей
Гнедой кобылицы.
Избег Тэмуджин и мечей, и погонь.
Не взяли подранка
Паршивые псы...
Но откуда огонь?
Там чья-то стоянка!
Ветла под обрывом, и хилый костер
Чуть теплит уголья.
Над мраком колышется млечный простор,
Алмазную солью
Присыпанный густо по краю небес.
И горы темнеют...
С кобылы беглец с осторожностью слез.
И ночь – каменеет...
Над жаром багровым кружит мошкара,
И стелется сладость
Кизячного дыма...
Старик у костра...
Нечаянна радость
Тепла и беседы в росистой ночи.
Затеяв беседу,
Узнал Тэмуджин, что алтаец-кайчи
Кочует по свету.
А песня кайчи, словно горный ручей
И гром над полями!
А слог убаюкивал ярость мечей
И демонов пламя.
Кто знает десятки родных языков,
Чье имя – свобода?
Кто славит героев и помнит врагов
Степного народа?
Кто дышит, как дышит цветущий простор
В зеленом разбеге,
Кто даже с Богами ведет разговор
На песенном берегу?
То старец, пришедший от гор золотых,
Где хищные грифы
Оленей когтят, где хозяйева их,
Могучие скифы,
Лежат под курганами черных камней
В огромных могилах,
К былому величию из мира теней
Подняться не в силах.
Где все проходили и все пронеслось,

Как снежные залпы.
Где высится мира державная ось.
И царские залы
Поющих долин открывает Алтай
Незлобному взору.
Ты слышал? Ты видел?
Иди, передай
Ту песню Простору.

ВОПРОШАНЬЯ ТЭМУДЖИНА

Скажи мне, Сказитель, любимец Богов,
В чем кривда и правда?
Зачем я родился и кто я таков?
Убийца ли брата?
Иль раб, обреченный без слуг и скота
Обглаживать годы?
Зачем оборванцу твоя красота
И песни свободы?
Прислушайся к ночи, того и гляди
Лисицы забрешут.
Ты едешь, не зная, что ждет впереди:
Разденут, зарежут,
Отнимут коня или плюнут в лицо
За то, что нездешний.
Вон – в ухе серьга, а на пальце кольцо,
Не худы одежды.
Где племя героев?..
Родня у родни
Скотину ворует!
Дух предков укрылся в орлиной тени,
А трусость жирует.
На душу уснувшую, душу земли
Слетаются совы...
Скажи мне, Сказитель, как люди могли
Дойти до такого?
Отец говорил, что китайцы живут
По строгим законам,
Что есть император, и войско, и суд,
Вельможи под троном,
Что труд там искусен, сады словно рай,
Ни зноя, ни стужи...
Но ложью и рабством источен Китай,
И роскошью – души.
Там тесно и душно, там зависть кругом!..
Не в том наши беды:
Ведь нам за три дня не добраться верхом
К аилу соседа.

И власть, словно воду в горсти, уберечь
Не могут монголы.
Ничтожны дела их, и мысли, и речь
По юртам и долам.
Ничтожен народ – не народ, а навоз –
Без Бога и права.
Но знаю – Держава превыше всего,
Хаган и Держава!

СТРУНЫ ТОПШУРА

Вдруг ожил топшур под рукой старика,
Заныл, как заноза...
– Вопросы, как лебеди, издалека,
Как камни с откоса.
Ты все уже знаешь на четверть, на треть:
Где гниль, а где слава.
Держава превыше всего... Но ответь –
Что держит Держава.
Кто зиждет, кто выковал скрепы её?
Чье сердце под властью?
И льется ль на души с Небес мумиё
Любви и согласия?
Коль скоро достигнешь, что члены родов
Созвучны, как струны,
Тропу проторишь ты на сотни годов
К престолу Варуны...
И пальцы метнулись, как резвый скакун,
Щипком и прицоком,
Сплетаясь в узоры неведомых рун
На камне высококом.
И пальцы кружили, как 10 волков
У ног маралухи.
А голос наполнился влагой Богов,
Глаза стали сухи.
Та песня – как древле сошел на Алтай
Год страшного зноя,
Как спас все народы герой Сартакпай.
А силы героя
Таились не в чарах, что смерти лютей,
Не в демонах света,
А в радостной вере, сплотившей людей, –
«Вы можете это!»
Тем чудным орудьем он скалы бурил
Над бурной Катынью,
Канаты-шелка над стремнинами вил;
Меж синью и стынью
Мосты протянул, чтобы шел караван

С мукой и товаром,
Чтоб желтый купец из империи Тан
Пылится недаром.
Он строил не только дороги в горах!
Страну орошая,
Тяжелой киркою он первый сувах –
Залог урожая –
В долину направил и, русло пробив,
Повыложил камнем,
Чтоб влага живая меж пастбищ и нив
Сочилась веками.
И зелень ковром раскатилась среди тех
Долин и урочищ,
И скот потучнел, стал радушной ночлег,
А зимы короче.
Величием дел покорила Сартакпай
Народы и мненья.
И благоуханьем ответил Алтай
На труд и владенье!

ЯСА. НОВЫЙ ЗАКОН СТЕПИ

Сидит Тэмуджин, величав и понур,
За дымом сладким:
– Все правда! Забыл лишь, что тот багатур
Был непобедимым.
Чтоб землю держать, мой отец воевал
В крови до подмышек...
Ущелья, долины, тайга, перевал –
Не будут в излишек.
Он бился, и оловом плавился день:
Жар, кровь и работа!
День битвы, как тонкой кольчуги ремень,
Тянулся от пота.
Чтоб землю держать, надо верных бойцов
И волю владыки,
Наместников надо, и быстрых гонцов,
И острые пики
Для тех, кто не слышит всевышний завет
И властное право.
Пусть новый Закон народится на свет:
Честь –
Хан –
и Держава!..

Закон этот будет для всех и для вся,
Как белый день ясен.
Очертит мечом то, что делать нельзя,

Хаганова Яса.

Пусть скареду с вором из орд изблюют
Нукеры и кмети.

Пусть трусость в бою, пусть убийство и блуд
Караются смертью.

Пусть каждый ответит за грех головой:
То высшая милость!

Брат брату поможет и воину вой –
Чего б ни случилось.

Пусть доблесть сияет с обветренных лиц
Начищенной медью,

А льстивое племя гостеубийц
Караются смертью.

Растратчика дважды пусть хлещет позор
Соленою плетью,

И лишь троекратный семейный разор
Караются смертью.

Кто клятвой поклялся, тем имя – «орда»,
Их сила несметна.

Но клятвопреступник везде и всегда
Караются смертью.

Есть мать-хатун, есть супруга-хатун...
Глумиться не смейте!

Неверность же их начертанием рун
Караются смертью.

На благо торгов охранят караван
Нукеры и кмети...

Разбой, воровской перекуп и обман
Караются смертью.

Дорогу живую, чье имя – «судьба»,
Лишь честью измерьте.

Сокрытье наложницы, вора, раба
Караются смертью.

Премудр исцеляющий хвори и лжи.
Он славен и светел!

Но злобный шаман, насылатель ракши,
Караются смертью.

Тот прав, кто закаливал верность свою
Кровавою смесью.

Но воин, оставивший друга в бою,
Караются смертью.

Кто делит добычу под брань воронья
С разгулом и мезтью;

Кто путнику не дал еды и питья –
Караются смертью.

Коль слабый польстился в походе – щитом,
Мечом или сетью,

Что друг обронил, было, в поле пустом, –
Караются смертью.

Пять пальцев едины! И все нукера
В ударе едины,
Как лезвие огненного топора,
Как вешние льдины,
Что брег сокрушают,
И скалы, и свод
Морозного мрака.
То солнце победы, Поход, ледоход...
Все прочее – драка.
Все прочее – мерзость, ничтожество, гной
И тлен запустенья.
Все прочее – ветер осенний ночной
Над юртой Владенья.
И даже хаган, что взошел на верхи
Кургана Державы, –
Лишь сокол, взирающий с Божьей руки
На поле облавы.
Он только посланец, он служит как все,
Он тоже поклялся.
И в нем отразится, как небо в росе,
Великая Яса.

МОЛВА

Угас костерок. По зубчатым горам
Заря полоснула.
Копытцем архар, как всегда по утрам,
Ударил средь гула,
Средь ровного шума бегущей реки...
И камешек скользкий
Запрыгал по склону... И вот ручейки,
Звенящие горстки
Таких же камней потекли, потекли
По влажным ложбинкам,
Как будто архары к воде побрели
По древним тропинкам,
Как будто молва потекла по Степи
Нестройным потоком,
Где вымысел с правдою не расцепить,
Где в слове далеком
Почудится образ прекрасной жены,
Что ели стройнее...
Пора, Тэмуджин, на окраину страны
Отъехать за нею.
Пора расставаться с премудрым кайчи
И ехать за нею!..
На облаке – нежным румянцем – лучи
Зари пламенеют.

И ветер цветной на траве и воде
Шумит без умолка,
Как складки и волны просторных одежд
Венчального шелка.
Певец же отправится волей Тэнгри
Под синим покровом
Туда, где съезжаются богатыри
На празднике новом.
Где юная удаль, где слава и смех,
Где ловли и схватки,
Где песни нужны для побед и утех –
Стозвучны и сладки.
Там новую песню слагает певец
На празднике новом –
Про то, как сокрылся от сына отец
Под черным покровом,
Но сын-сирота не оставил мечту
Радеть – коли есть ты! –
За друга, за родину, за красоту
Земли и невесты.
Тот сын-сирота созывает в орду
Батыра и брата
Служить! Чтоб на светлом хагана щиту
Сияла бы правда.
И песня взвивалась, как стяг из семи
Диковинных рысей,
Как лебедя крик посредине зимы,
Как музыка высей.
И мальчишки вдруг застывали столбом,
И плакали девы...
Браздили черты у мужей надо лбом
Алтайца напевы.
Слова проникали, как дух-снеговой,
Под сердце и кожу...
– Вам не досчитаться своих сыновей!
Оружия тоже!
За песней молва потекла по Степи
Нестройным потоком,
Где вымысел с истиной не расцепить,
Где в слове высоком
Стрела просвистит меж безмолвных вершин,
Как грозная вежа,
И в самую глушь: «Тэмуджин! Тэмуджин!»
Прокатится эхо.

НУКЕРА ТЭМУДЖИНА

Не долго, не коротко время течет,
Ни шатко, ни валко.
За птичьим кочевьем – снега... ледоход...
И снова фиалка
На склоне горы раскрывает свои
Лазоревы очи.
Сбиваются пчел молодые рои,
Да в теплые ночи
В соседнем болотце лягушки вопят,
Вопят, не смолкая...
Опять начинается Время, опять
Держава другая!

Другая держава, другие дела,
Другое согласие.
Уже ради княжьего злата стола,
Для ратного счастья
Спешат багатуры, спешат нукера –
Их лишь двадцать девять,
Их кровь молодая толкнула: «Пора!
Хан скажет, что делать!»
Всего – двадцать девять. Но в круге луны –
Ночей двадцать девять.
И в мужеском теле – инако нужны –
Вершин двадцать девять.
Есть пальцы и плечи, и нос, и язык,
И стебель нефрита,
Глаза есть и уши, – владыке владык
Все тело открыто.
Он сокол, взирающий с Божьей руки,
Он сердце и разум!
Он пальцы дружины сожмет в кулаки
И высечет Ясу
В сознание народа!.. И руны-стихи
На каменных плитах.
Гром-беркуту, зрящему с Божьей руки,
Даль мира открыта!
Их лишь двадцать девять. Как пламенных стрел
В колчане хагана.
Их панцирный круг непреклонен и цел,
Как вал океана.
Воинственной крови их алый металл
Не видели горны...
Так станется – чтобы расплав прожигал
И тигли, и орды!

Да станет над всем августейший Чингис,
Могуч и божествен!..
Вот беркут сорвался и падает вниз –
На первую жертву.

ХОР НУКЕРОВ

Пусть символы власти над нами горят,
Как свет, постоянны.
Ведь если два солнца в зенит воспарят,
Иссохнут аршаны⁹.
Мы стражи аршана! Пускай за спиной
Казнь-участь любая.
Ведь если два хана царят над страной,
ВЕСЬ люд погибает.
Мы камни лавины, сковавшей поток
В ревущем ущелье.
Мы тело плотины у княжеских ног:
Мы спаяны целью!
А цель – не отдать ни травинки пустой
На пал да на ветер.
Мы псы, сторожащие Кол Золотой.
Мы – знаки в Завете.
В походе! в походе узнает висок
Груз зноя и стыни.
Ведь если пустыню боец пересек,
В нем видно пустыню.
Мы будем скакать до вечерней зари,
Забыв о палатке.
Пусть месяц над первым нукером горит
Алмазом на шапке!
Мы будем по звездам, как демоны, мчать,
Как тени – по долу.
Знать, враг наш ошибся, забыв привязать
Бубенчик к подолу?..
Над конскою гривой в косматом огне
Пусть солнце восходит!
Да здравствует юный хаган на коне
И – Купол Господень!
Пусть стелется снова за конским хвостом
Дорожка тумана.
Да здравствуют дали за ханским перстом
Вольней океана!
Веселые силы,
Могучая власть,
Далекие клики!..
Да здравствует право сгореть и пропасть
За образ великий!

БЕРКУТ, ВЗИРАЮЩИЙ С БОЖЬЕЙ РУКИ

Очнись, Тэмуджин, золотые круги
Расступятся в небе полночном.
Ты – беркут, взирающий с Божьей руки,
Поедем над мраком непрочным!
Над миром, подернутым облачной мглой,
Над темным безмолвьем Сибири,
Туда, где сплошную алмазной волной
Вершины горят на Памире.
По левую руку империя Цзынь,
Причудливый воздух измены,
Звенящий фарфор, голубая полынь...
И смут ядовитые пены.
По правую, в зыбкой таежной дали,
Рифейское море и горы.
Оттуда по тропам Преданья пришли
И Боги, и скот, и баторы.
А там за Памиром торговый Хорезм,
Мечети, дворцы и базары...
Там розы в лазурном огне на заре
Нежнее, чем юные пары.
Там плачет, как Лейла, газель Низами
Под звон арыков Хоросана.
А дев имена – нараспев назови –
Небесней дыханья розана.
Там блеск Самарканда, и шум Бухары,
И рыбного Балха прохлады.
Там дарят сады золотые дары
От Яркенда и до Герата.
Там целый клубок караванных путей,
Что смотан лукавым факиром:
Индус, армянин и кривой иудей,
Торговец рабами и мирром,
И перс, и туркмен, и угрюмый уйгур,
Что мускус везет и каракуль,
И пылкий араб, из таинственных сур
Весь соткан, как некий корабль,
Что движется светом и силой любви...
Там греки, там русы, хазары,
Те нити клубка не разрежь, не порви:
Сараи, торги да базары...
Дороги, дороги – до дальних морей,
Что лижут подошвы эмиров.
Да прах городов, да останки царей,
Престолы разбитых кумиров...
Обманчиво древнее торжище зла,
Как свиток змеиных узоров.
Здесь кровь со времен Вавилона текла,

И ворон устал от повторов...
Гляди, как гулямы в придворной игре –
В гаремах, дворцах, коридорах –
Смеются...
Так лучики на топоре
Искрятся...
И криком на шорох,
Да криком на шорох парчовой ночи
Ответит визир и вельможа.
Сыны половчанок, не ваши ль мечи
Державные судьбы итожат?
... Гляди, по долинам селенья горят,
Стена завывающих звуков.
Поймешь ли, чей там кровожадней отряд –
Грузин или смуглых сельджуков?
А там за Кавказом, за Дешт-и-Кыпчак,
За ветреной Дикою Степью,
Злат-Киев – там русов оплот и очаг.
Но червь и под эту крепью.
Друг друга по-братски лихие князья
То травят, то рубят, то режут.
Там ляхи и Степь – то враги, то друзья,
И злоба раскинула мрежи.
Но Север просторен, обилен и нем...
В нем семя державы великой,
Сей власти пока не подъямен ярем,
Как ветер не пронзается пикой.
Поэтому вновь оглянись, Тэмуджин,
На Юг, там, где Русское море
Баюкает ладьи варяжских дружин
И грозно кипит на Босфоре.
Престол базилевса! Пречудных палат
Красы... То бунты, то победа...
Но тысячу лет уж стоит Цареград
Столпом утверждения света.
Он – центр Вселенной, граница миров,
Трех огненных бурь перекрестье.
Византий! Хранитель небесных даров,
Питаемых Благою вестью.
... Но роскошь увянет, и срок истечет,
Святые грехов не отмолят,
Рассыплется войско, держава падет,
Как шуба, побитая молью...
Так будет. Вон латники рыцарских орд,
Покинув родную Европу,
Волна за волной переходят Босфор
Дорогой к Господнему Гробу.
Их шаг кровожаден и неумолим:
Не Дамы Прекрасной капризы

Ведут их в Израиль, в Иерусалим,
Не лики святых, не девизы!..
В дороге к святыням забыты слова,
Воспевшие эти святыни.
Лишь алчное пламя взамен покровы
Смирения и благостыни.
Ложь битвы рождает дальнейшую ложь –
Успех и не грезит победой,
Лишь длится два века кровавый дележ,
Как огненный хвост за кометой.
Гляди же, гляди, Тэмуджин, на страну,
Объятую распрею древней,
Они заслужили большую войну –
Султаны, цари и царевны,
Эмиры, визиры, вожди и паши,
Князья, короли, хорезмшахи,
В них черные пропасти вместо души
И панцири вместо рубахи.
Они заслужили руин средь золы
И муки смертельного пляса.
Но первым не трогай меча и стрелы,
Как молвит Великая Яса.
Пусть мирные знаки от злата стола
Разносятся в мирном народе...
Но – взят караван! Но – убили посла!
И трубы трубят о походе!

НАБЕГ МЕРКИТОВ

Поутру уходят виденья и сны
Рассеянной ратью.
Поутру томительны ласки жены
И сладки объятья.
Бортэ шаловлива, юна и стройна...
С владыкой-монголом
Она, как мелодия, ветрена
Под пальцем веселым.
Бортэ, госпожа, молодая луна,
Средь сумрака юрты,
Как речь ручейка, серебристо нежна,
Как чары уюта...
Но чу! мой любимый, вставай, господин,
Земля задрожала.
На дальней стоянке ты нынче один.
И чтоб не пропала
Под вражьем ударом бесценная жизнь,
Подобная яшме,
Как можно скорее в тайге окажись,

Не медли, сейчас же!
Пусть братья седлают немногих коней,
Скачите к Бурхану,
Убежища нету родней и верней.
Я тоже не стану
Гостей дожидаться. Возок запрягу,
Становье покину,
Уеду на пегом быке, коль смогу,
В глухую долину.
Как видно, нагрянет лихая родня –
Вновь псы-тайчжигуты...
Я рода другого, не тронут меня.
Все! Нет ни минуты.
И нет багатуров твоих, нукеров
На летней стоянке.
И надо владельцу Божьих даров
Сокрыться в землянке,
В чащобе, где сытой змее не пролезть.
Но цель – не пустая!
Беги же по тропке, что уже, чем плеть,
Как тень горностая.
То вслед за оленем иди, то ступай
Лосиной тропой,
Но сгинь, растворишься, затаишься и растай –
Не спорят с судьбою.
Хоть меч и откован, но не закален,
Зачем горячиться.
Беги, мой владыка, иначе полон
И – не возвратиться...

ТЭМУДЖИН ПЛАЧЕТ

Будь проклята жизнь, что ничтожнее вши,
Пустее хоромин
Покинутых...
Жизнь – это пути души,
И – ласточки промельк!..
Украли жену, увезли, увлекли
Пришельцы-меркиты.
Откуда, поганые, взяться смогли?
Уж тленом повита
Вражда между нами...
Но хуже вражды –
Минутная подлость.
Как сердце немеет... дрожит от беды
Кровавая полость.
Грудь полнится холодом светлых вершин,
Как я, одиноких.

Плачь, плачь о Бортэ, горько плачь, Тэмуджин,
Князь сил синеоких!
Ты, жалкий, ты жизнь свою спас, сохранил
На склоне Бурхана,
Слепое отродье таинственных сил,
Угль Божьего плана!
Пусть угль этот черный рассыплется в прах
Под судной рукою...
Плачь, плачь, Тэмуджин, о счастливых мирах,
О сне и покое!..

ПОРА ПОХОДА

Пусто мое ложе. В душе пустоты
Червивое семя.
И нет мне пути за изломы-хребты
К Байкалу, на север.
Все нет мне дороги к реке Селенге,
След зноем повыжгло,
И плеть надломилась в моем кулаке,
И время не вышло...
Но лишь зашевелится шумный скелет
Перекаати-поля,
Лишь осень прольет бирюзовый рассвет
На травы-раздолья,
Лишь воздух начнет потихоньку желтеть
От тлена растений,
Лишь примутся стаи по небу лететь,
Как всадников тени,
Просыплет свой порошок сухая полынь,
Что желчи подобен,
И землю обнимет дневная теплынь
Со льдинкой на донце...
Когда на реках загорится смолье
По следу путины,
Когда в благоденстве и скот, и зверье,
И простолюдины,
Когда на озерах галдеж-перелет
И пелядь жирует,
Когда зверолов сапоги себе шьет
Из дымовых струек,
Из стелек, подбитых порханием птиц,
И мягких, как воздух,
Чтоб чутко искать соболей и куниц
В заснеженных соснах,
Тогда мы составим орду за ордой!
Мы племя меркитов
Заставим проклясть час рождения свой!

Мы тайно, сокрыто
(В ту пору осока длинна и крепка)
Плоты наготовим.
Тумены сойдутся на берег Хилка,
И – все наготове!..
Берестой цветною колчан заскрипит
В предчувствии битвы.
И знамя священное вождь окропит
Под звуки молитвы.
И дыроголовые стрелы с древком
Степного миндаля
К войне ошетинятся черным пучком
Из свиста и стали.
И рокот набата услышит народ! –
Под кожей тугою
Вдруг черным быком барабан заревет:
Мужайся и – к бою!..
Разору и снегу оставим их дом,
Как вихрь, закружим.
На дымник, как беркут на лиса, падем
И двери разрушим.
Так будет, так будет... Я вижу во тьму
Простертые руки,
Что тянутся к стремени моему
Из плена-разлуки.
Скликай же, судьба, нукеров молодых
На правое дело!
Пусть свет будет светом, власть будет их,
И целое – цело!

ХОР НУКЕРОВ

Пусть символы власти над нами горят,
Как свет, постоянны.
Ведь если два солнца в зенит воспарят,
Иссохнут аршаны.
Мы стражи аршана! Пускай за спиной
Казнь-участь любая.
Ведь если два хана царят над страной,
ВЕСЬ люд погибает.
Мы камни лавины, сковавшей поток
В ревушем ущелье.
Мы тело плотины у княжеских ног:
Мы спаяны целью!
А цель – не отдать ни травинки пустой
На пал да на ветер.
Мы псы, сторожащие Кол Золотой.
Мы – знаки в Завете.

В походе! в походе узнает висок
Груз зноя и стыни.
Ведь если пустыню боец пересек,
В нем видно пустыню.
Мы будем скакать до вечерней зари,
Забыв о палатке.
Пусть месяц над первым нукером горит
Алмазом на шапке!
Мы будем по звездам, как демоны, мчать,
Как тени – по долу.
Знать, враг наш ошибся, забыв привязать
Бубенчик к подолу?..
Над конскою гривой в косматом огне
Пусть солнце восходит!
Да здравствует юный хаган на коне
И – Купол Господен!
Пусть стелется снова за конским хвостом
Дорожка тумана.
Да здравствуют дали за ханским перстом
Вольней океана!
Веселые силы,
Могучая власть,
Далекие клики!..
Да здравствует право сгореть и пропасть
За образ великий!

ПОБЕДНОЕ ОКОНЧАНИЕ. ЭПИЛОГ

Сказанье, как битва, подходит к концу
Устало и мерно...
Конь хана воротит к родному крыльцу...

От сглаза и скверны
Пусть нас охранит чудотворный язык,
В нем грозные токи.
Что сердцем я знал, но забыл, но отвык,
Не помня о Боге,
Что слышал я кожей на ранних порах
В Алтая предгорьях,
Все живо досель на лазурных полях
Небесного взморья.
Там ходят по брюхо в росе табуны
Коней быстрокрылых.
Там птица, слетевшая с полной луны,
Мне тайну открыла:
Что сотканы словом и судьбы страны,
И перышки ветра,
Что если нам светлые дни суждены,

Где доблесть и вера
Рождают сиянье Державы святой...
Коль это случится,
То, стало быть, Слово изронено Той,
Чья – горлица-птица.
Изронено Слово, и души взошли
Средь поля народа,
Где сушь да такыр, где полынь-ковыли,
Пожара свобода...
Но степь не горит,
И не сосны шумят,
То – юноши скачут:
Как дождь за дождем, за отрядом отряд.
Труд радостный начат!
А кто во главе ясноликих дружин
Мчит, силы даруя?..
Где автор? Где юноши? Где Тэмуджин?..
Уж не разберу я.

Но скажет читатель: «А как же поход?»
Поход завершился.
Был в прах перемолот меркитский народ:
И крова лишился,
И жен, и скота, и прекрасных коней.
Бортэ виновата.
И надо же было им гнаться за ней?!
По чести – расплата.
Враг в бегство повержен: плач, крики и плен,
Разора картина.
И рыщет долиной четвертый тумен
Орды Тэмуджина.
Окуталось грязью от комьев и брызг
Все войско в походе.
И меч заалел, как степной тамариск
На зимнем восходе.
Лишь слышится: «Боже, спаси, помоги!
Погибель настала...»
И катится вал вдоль реки Селенги
На берег Байкала.
Весь вечер багровый, всю ночь напролет
Погоня продлилась.
Был с пеплом бы смешан меркитский народ,
Когда бы не милость:
Курень за куренем уже в темноте
Настигнут и вспорот:
– Бортэ! Где ты, где же? Откликнись, Бортэ!
Забыла ли голос?..

Луна полыхала, как зыбкий алмаз,
Над страшной округой.
Нет, нет, не забыла! Узнала тотчас
Любимого друга.
С повозки сошла, побежала бегом,
За повод схватилась!
Без слуг, без убора, почти босиком,
Но счастьем светилась.
Они обнялись посредине вражды,
Отчаянья, крови.
Они поднялись до такой высоты,
Что не было, кроме
Двух чистых сердец, никого-никого
На всем белом свете...
– Эй, скорый гонец! от лица моего
Дай знать о победе.
Оставьте меркитов! Пусть шагом и вскачь
Спасутся живые.
Труби остановку, умелый трубач!

Бей в сторожевые
Быки-барабаны всеобщий отбой.
Нашел я хозяйку
Души одинокой, пустой и слепой...
Как нежную чайку,
Ее ухватил за золотые крыла.
Оставьте меркитов.
Нас ждут неохватной Державы дела
И ангелы битв!

Когда я очнусь от столетних утрат
И на небо гляну,
Увижу, как молнии света летят
По звездному стану.
Се – верная Сотня над родиной мчит.
Как воины красивы!
А древняя Песнь их звучит и звучит
По землям России:

Пусть символы власти над нами горят,
Как свет, постоянны.
Ведь если два солнца в зенит воспарят,
Иссохнут аршаны.
Мы стражи аршана! Пускай за спиной
Казнь-участь любая.
Ведь если два хана царят над страной,
ВЕСЬ люд погибает.

Мы камни лавины, сковавшей поток
В ревущем ущелье.
Мы тело плотины у княжеских ног:
Мы спаяны целью!
А цель – не отдать ни травинки пустой
На пал да на ветер.
Мы псы, сторожащие Кол Золотой.
Мы – знаки в Завете.
В походе! в походе узнает висок
Груз зноя и стыни.
Ведь если пустыню боец пересек,
В нем видно пустыню.
Мы будем скакать до вечерней зари,
Забыв о палатке.
Пусть месяц над первым нукером горит
Алмазом на шапке!
Мы будем по звездам, как демоны, мчать,
Как тени – по долу.

Знать, враг наш ошибся, забыв привязать
Бубенчик к подолу?..
Над конскою гривой в косматом огне
Пусть солнце восходит!
Да здравствует юный хаган на коне
И – Купол Господен!
Пусть стелется снова за конским хвостом
Дорожка тумана.
Да здравствуют дали за ханским перстом
Вольней океана!
Веселые силы,
Могучая власть,
Далекие клики!..
Да здравствует право сгореть и пропасть
За образ великий!

1 бабка, альчик – баранья кость, лодыжка, щиколотка.

2 племя на Севере Китая)

3 чудовище, демон (скр.)

4 вторая жена Есугея

5 младший брат Тэмуджина и младший брат Бектера

6 хищная птица

7 Полярная звезда, Коновязь

8 оросительный канал, арык в горах

9 аршан, аржан – священный, целебный источник (тюрк.)